

Бай Ифань стоял под гранатовым деревом во дворе своего старого дома. Солнце клонилось к закату, его последние лучи пробивались сквозь ветви, создавая причудливые узоры на земле. Вечерний ветерок ласкал лицо, листья шелестели, словно перешептываясь между собой.

Мгновение назад объявленный мертвым Бай Кэфэй теперь стоял рядом с ним, юный и прекрасный, полный сил и энергии.

Все вокруг казалось слишком реальным. Это не мог быть загробный мир, и, конечно, это не был рай.

Говорят, что после смерти человек переживает некоторые моменты своей жизни. Бай Ифань всегда считал это чепухой, но теперь ему оставалось только так объяснять происходящее.

Бай Кэфэй, видя, что Бай Ифань все еще молчит, слегка занервничал. Обняв его за плечи, он направился к дому.

Это был старый дом, где жила их семья из четырех человек. Этот район раньше был складской зоной табачно-алкогольной компании, позже его перестроили в одноэтажные дома, которые раздали сотрудникам.

Бай-папа получил большой дом. Две спальни, гостиная и просторный двор, где росло гранатовое дерево, а на крыше вились виноград и тыква.

Как только Бай Кэфэй и Бай Ифань вошли в дом, они услышали голос:

— Вы двое, быстрее мойте руки. Папа еще одно блюдо готовит. Скоро будем есть.

Сердце Бай Ифаня, находившееся в оцепенении, треснуло:

— Мама?

Бай-мама, услышав зов, повернулась и встретила с Бай Ифанем взглядом.

Следы времени чудесным образом исчезли с её лица, мелкие морщинки у глаз разгладились. Она вернулась к своим сорока с небольшим годам, когда выглядела ухоженно.

— Ой! — Бай-мама испугалась, увидев младшего сына. — Где это ты шляется?

— Нигде, нигде, — быстро прикрыл брата Бай Кэфэй. — Гранат пустил почки. Брат хотел понаблюдать и написать сочинение, залез на дерево и случайно упал.

Ложь, которую мог бы разоблачить даже слепой.

Бай-мама, всегда проницательная, сразу поняла, что Бай Кэфэй что-то скрывает, и фыркнула:

— В девятом классе пишут сочинения-рассуждения!

Бай Кэфэй тут же осознал свою ошибку и попытался найти новый подход:

— Мама, брат так испугался, когда упал...

Так что не пугай его снова.

Бай Ифань, словно поддерживая слова брата, быстро юркнул на кухню.

Кухня была окутана паром. Бай-папа, держа в руке лопатку, словно дирижировал оркестром, легким движением запястья подбрасывая содержимое сковороды в воздух. Посолив, быстро перемешал и выложил на тарелку. Все движения были отточены до совершенства.

Сердце Бай Ифаня, находившееся в оцепенении, расколосось на три части:

— Папа.

— Эй, голодный? — Бай-папа, улыбаясь, снял фартук, одной рукой взял тарелку, а другой подтолкнул Бай Ифана в столовую. — Садитесь, будем есть.

Дом наполнился ароматами. Бай Кэфэй, которого, видимо, отчитала Бай-мама, с обидой на лице расставлял посуду.

Бай Ифань все еще не понимал, что происходит, но его нос уловил аромат жареных листьев годжи. Это блюдо было не сложным, но его не часто готовили. Листья годжи — это дикорастущие растения, которые собирают перед праздником Цинмин. Раньше их нельзя было купить, приходилось самим искать, что было хлопотно.

Кроме жареных листьев годжи, на столе были картофель с перцем, свиные ребрышки в кисло-сладком соусе, мясо на пару, мясные шарики с капустой и миска супа с тофу.

Тофу был прозрачным, с щепоткой зеленого лука, без пара, явно приготовленный на секретном бульоне Бай-папы.

Сердце Бай Ифаня, находившееся в оцепенении, наконец рассыпалось в прах. Он не помнил, какой это был год, но вся семья была здесь, и на столе стояли блюда, о которых он так мечтал...

Бонус перед перерождением оказался прекрасным.

Бай Ифань, чувствуя тоску и горечь, схватил палочки и решил умереть сытым.

В семье было два сына, будто две свиньи. Бай-папа радовался этому, поднял бокал и с улыбкой наблюдал. Как раз Бай Кэфэй и Бай Ифань одновременно потянулись к одному и тому же ребрышку.

Бай-папа заговорил:

— Кэфэй, как дела в школе?

— Нормально, — ответил Бай Кэфэй, с грустью глядя, как самое сочное ребрышко оказывается в палочках Бай Ифаня. — Учитель хочет, чтобы я участвовал в олимпиаде по физике, сейчас готовлюсь. Кстати, первого числа следующего месяца экзамен, так что на выходные не приеду.

— Ты только в десятом классе, зачем тебе олимпиады? — Бай-мама переживала за Бай Кэфэя.
— Почему в старшей школе тяжелее, чем в девятом?

— Именно в десятом и нужно участвовать. В одиннадцатом уже готовятся к выпускным экзаменам, а в двенадцатом это невозможно, — честно ответил Бай Кэфэй, затем повернулся к Бай Ифаню. — После экзамена я напишу задачи и привезу материалы. Наш учитель сказал, что успех на олимпиаде может дать дополнительные баллы на гаокао.

Бай Кэфэй сиял, как примерный старший брат, и смотрел на ребрышко в палочках Бай Ифаня,

намекая, что младший брат должен быть почтительным.

Бай Ифань замер, затем горько усмехнулся. Он вернулся из смерти, чтобы просто попутешествовать. Гаокао? Об этом можно подумать в следующей жизни.

Бай Ифань, чувствуя тоску, вцепился в ребрышко зубами.

— Это можно обсудить после того, как Фаньфань сдаст экзамены в старшую школу, — Бай-папа был рассудительным. — Фаньфань, не переживай.

Никакого давления. Бай Ифань, пережевывая сочное кисло-сладкое ребрышко, все прекрасно понимал.

В девятом классе он был отъявленным двоечником, результаты экзаменов были ужасны. Позже он поступил в Школу №5, и даже просто окончить её было чудом. Если бы Бай Кэфэй не бросил университет и не ушел в шоу-бизнес, Бай Ифань, вероятно, не стал бы усердно учиться, чтобы утешить родителей, и не стал бы темной лошадкой на гаокао, заслужив звание самородка.

Но усилия были напрасны, ведь позже все они умерли. И я умер.

Бай Ифань почувствовал разочарование и снова выхватил кусок мяса на пару из-под палочек Бай Кэфэя.

За столом завязался разговор о разных мелочах, которые Бай Ифань давно забыл. После ужина Бай-мама пошла на кухню за тряпкой.

Бай Ифань, глядя на беспорядок на столе, почувствовал грусть: неизвестно, как долго продлится этот бонус. Может, стоит ещё раз лизнуть тарелку?

Бай-мама вовремя прервала его размышления:

— Фаньфань, ты не наелся?

— Наелся, — с болью в сердце ответил Бай Ифань, поглаживая свой почти лопнувший живот.

— Что? — Бай-мама не расслышала. — Почему ты сегодня молчишь?

Бай Ифань сейчас боялся говорить много и громко. Казалось, он должен затаить дыхание, чтобы его не обнаружили. Он боялся, что если будет говорить слишком громко, этот бонус исчезнет.

Бай Ифань мог только показать свою искренность взглядом, чтобы Бай-мама не волновалась. Подняв голову, он увидел лицо любимой мамы.

Ему захотелось заплакать.

Бай Ифань опустил голову и начал убирать посуду, двигаясь быстро. Закончив, отнес тарелки на кухню:

— Я помою посуду.

Бай-мама, наблюдая за всем этим, была слегка шокирована.

Когда Бай Ифань вошел на кухню, Бай-мама взяла тряпку и подошла к дивану, где схватила

старшего сына за ухо, шепча:

— Куда именно твой брат упал днем?

— Что случилось, зачем ты дергаешь ребенка за ухо? — нахмурился Бай-папа.

— Пусть твой старший сын расскажет! — Бай-мама была в ярости, но не могла говорить громко. — Фаньфань только что убрал со стола и теперь моет посуду.

Бай-папа: ...

Бай Кэфэй: ...

Бай-папа обвинил Бай Кэфэя:

— Ты знаешь, что у твоего брата сейчас плохие оценки, и еще ты его стимулируешь олимпиадой по математике!

— Я... — Я просто хотел угодить ему, чтобы он угостил меня ребрышком.

Этого, конечно, нельзя было говорить. Бай Кэфэй, глядя на разгневанных родителей, сменил тему:

— Он днем упал и ударился головой, может, от этого поумнел. Делать домашние дела — это хорошо...

— Что? Ударился головой? — Бай-мама окончательно вышла из себя, бросилась на кухню, но по пути развернулась и схватила Бай Кэфэя. — Если делать домашние дела — это хорошо, то иди делай.

Бай Кэфэй был безжалостно брошен на кухню, а Бай Ифань был вытащен оттуда.

После этого Бай Ифань получил заботу от Бай-папы и Бай-мамы:

— Фаньфань, сейчас болит голова? Не думай слишком много и не обращай внимания на брата...

И так далее.

Бай Ифань слушал долгое время, прежде чем примерно понял, что происходит, и тут же признался:

— Я днем никуда не падал.

«Я утром умер и вернулся, чтобы насладиться этим бонусом».

— Тогда зачем ты мыл посуду?

Бай Ифань: ...

Бай Кэфэй и Бай Ифань были избалованы, и до того, как Бай-папа ушел, Бай Ифань никогда не помогал родителям. Обычно Бай-мама делала всю работу по дому: стирала, готовила, убирала. Единственным исключением было, когда Бай-папа готовил что-то особенное. Если их наказывали, то максимум, что они делали, — это расставляли посуду.

Бай Ифань, вспомнив это, почувствовал вину:

— Мама, ты слишком устаешь.

Эти слова растрогали Бай-маму до слез. Она обняла младшего сына, глядя его по лицу, не зная, что сказать.

Бай-папа усмехнулся.

<http://bllate.org/book/16710/1535602>